

Сергей Михайлович Бетев

Разыскивается

Сергей Бетев

Разыскивается

Бетев С. М.

Разыскивается / С. М. Бетев —

Содержание

1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Михайлович Бетев Разыскивается

1

Изнывая от жары, дежурный по Ленинскому райотделу милиции рассеянно слушал телефонную трубку.

– Ну и что? – лениво спросил он наконец. – Ну и что?.. Потерпите немного, и придет. – Потом поморщился, видимо пережидая возражения, и поднажал на голос: – Послушайте, уважаемые! Вам зарплату скорее надо, я понимаю. А милиция-то при чем? Ну, задержалась... Обедает, может... Вы-то небось уже сытые... Ладно, звоните.

Водворив трубку на место, объяснил помощнику:

– Из кулинарного училища. Два часа, говорят, а кассирша из банка все еще не пришла. Что делать, спрашивают.

Помощник только хмыкнул в ответ.

Через час позвонили снова. Кассир не появилась.

– Дисциплину надо укреплять, товарищи! – недовольно закончил на этот раз дежурный. – Вот так.

Однако вскоре принесли официальное заявление, подписанное директором торгово-кулинарного училища. Из него можно было понять, что утром кассир ушла в банк получить 9737 рублей для выдачи стипендии учащимся и зарплаты работникам. В училище ждали ее звонка, чтобы встретить. Но она не позвонила. Не явилась и ко времени открытия кассы. Дважды позвонив в милицию и натолкнувшись на полное безучастие дежурного, бухгалтер с директором запасными ключами открыли сейф и установили номер чека, с которым кассир ушла в банк. Через несколько минут узнали: деньги по интересующему чеку выданы банком в половине одиннадцатого утра.

– От банка до училища ходу не более десяти-пятнадцати минут, – дочитав заявление, вслух соображал дежурный. – Если бы она попала под машину, «скорая» известила бы. Грабеж?.. Мы бы уже знали. – И, взглянув на помощника, с некоторым удивлением заключил: – Смылась.

Следователь Климов приехал выяснить обстоятельства происшествия. Не дожидаясь его расспросов, директор училища – дама в годах – растерянно сообщила:

– Вы понимаете, наши старший бухгалтер и мастер производственного обучения только что вернулись с квартиры кассира по улице Сакко и Ванцетти. Но... им сказали, что Рязанцева – это ее фамилия – там... вообще не живет.

– Послушайте! – Климов почувствовал, что сам обескуражен. Спросил первое, что пришло на ум: – Как ее имя и отчество?

– Валентина Андреевна.

– Личное дело где?

– У меня, – торопливо ответила директор и открыла сейф. Нескоро отыскав нужную папку, передала ее следователю.

– Почему нет фотографии на листке учета кадров? – сразу спросил Климов.

– Как нет?

– Смотрите.

– Была... – упавшим голосом отозвалась директор,

– Видите же – нет. – Климов начинал сердиться. По клеевому пятну он понял, что фотография оторвана. – Где трудовая книжка?

– Где трудовая? – эхом откликнулась директор, обращаясь уже к старшему бухгалтеру.

– Там...

«Там» оказалось верхним отделением сейфа бухгалтерии. Трудовой книжки на месте не нашли. Узнав, что Рязанцева имела туда доступ, старший лейтенант Климов окончательно убедился в том, что имеет дело с умышленным, хорошо продуманным преступлением.

– Странные вещи творятся у вас, – не сдержался он, усаживаясь в директорском кабинете и обращаясь сразу к директору и старшему бухгалтеру. – Рассказывайте все сначала. Откуда и когда появилась у вас эта Рязанцева, кто она, молодая, старая, где работала раньше. Словом, все, что знаете. Да подробнее.

Разговор продолжался уже около часа, но Климов чувствовал, что раздражение его не проходит. И вовсе не потому, что собеседники были растеряны, отвечали сбивчиво: он понимал их состояние, даже сочувствовал им. Поэтому, подавляя отчаяние, терпеливо в разной форме повторял вопросы.

– Вы сказали, что Рязанцева поступила к вам на работу в апреле. Кто ее рекомендовал?

– Никто. Пришла по объявлению.

– Где она работала раньше?

– Бухгалтером по расчетам в строительном управлении шоссейных дорог.

– Где? Где находится это управление?

– Не могу сказать точно, – извиняющимся тоном ответила директор. Потом добавила: – С 1963 года по 1970-й... Это – по записи в листке по учету кадров.

– Поймите, я хочу знать, где расположено это управление. У нас в Свердловске, в Москве, на Камчатке?

После томительного молчания директор обрела дар слова:

– Помню, что паспорт ее был выдан милицией не то города Омска, не то где-то в Омской области. – И, словно боясь нового вопроса следователя, сразу же обратилась к старшему бухгалтеру: – Помните, я еще просила уточнить время и место последнего увольнения Рязанцевой?

– Разве по трудовой книжке этого не было видно? – вмешался Климов.

– Ах трудовая... У нее там была исправлена фамилия и сделана сноска, заверенная круглой печатью, что это после вступления в брак...

– Подождите, подождите, – попросил Климов. – Давайте уточним сначала место работы.

– Строительное управление...

– Где оно находится? – едва не сорвался на крик Климов.

– Не могу точно сказать... Паспорт омский. И еще: она говорила, что у нее есть сын в Омске, у бабушки. Сама-то она с мужем не жила...

– Да, да, – подхватила бухгалтер. – Она была одна. Как-то мне говорила, что у нее здесь знакомый в овощном магазине по улице Куйбышева. Но это не муж...

Климов резко поднялся.

– Спасибо, – поблагодарил он и даже поклонился слегка. – Заранее прошу извинить меня, если еще потревожу.

В волнении он забыл вызвать машину и, добираясь до райотдела на троллейбусе, мысленно на чем свет стоит костерил головотяпов всех рангов, умудряющихся на любой должности не выполнять элементарных обязанностей. А может быть, следователь Климов больше всего досадовал на то, что впервые возвращался с места происшествия ни с чем, если не считать словесного портрета мошенницы, в точности которого, впрочем, не был уверен.

– Веселенькое дело досталось нам, – сделал вывод начальник райотдела, выслушав тоскливый доклад Климова.

– Веселее некуда, – согласился Климов.

– Как искать будем?

– Запрошу адресное бюро... Составлю телеграмму на телетайп по этим приметам, – Климов показал блокнот с записями, сделанными в торгово-кулинарном училище. – Больше-то пока ничего нет.

– Жаль! – жестко посочувствовал начальник. – А ведь она где-то еще у нас под носом бегаёт... Торопитесь!

Геннадий Климов не был новичком в милиции и понимал, сколь важно не упустить инициативы в розыске. Но успех поиска прежде всего зависит от того, какими сведениями о преступнике располагает следователь.

Да, начальник райотдела прав: Рязанцева, возможно, еще в городе. Но как ее узнать среди многих тысяч лиц, занятых своими хлопотами, на улицах, в магазинах, на вокзалах? Фотографии нет. Из листка по учету кадров достоверно известно только то, что ей тридцать два года. Но в таком возрасте женщины выглядят по-разному: пойди определи...

Внешние приметы даны директором училища: «блондинка, волосы носит распущенными до плеч...» Таких в Свердловске наверняка больше сотни тысяч: попробуй проверь всех, не говоря о том, что перекраситься проще простого. «Телосложение среднее...» Значит, вполне нормальная баба. «На руке кольцо с камнем...» Это – вообще не примета: сейчас кольца носят с шестнадцати лет. «Юбка черная, кофта трикотажная ярко-розового цвета...» Как будто трудно переодеться!..

И злополучная телеграмма, ориентирующая работников милиции на розыск преступницы по приметам, которую Климов должен был сейчас составить, казалась ему нелепой и ненужной. Может, поэтому он спускался по лестнице медленнее, чем обычно.

В кабинете, все так же неторопливо устроившись за столом, без воодушевления снял телефонную трубку, задержался с вызовом адресного бюро. Какой смысл? Рязанцева устроилась на работу в апреле. По ее же словам, да и по омскому паспорту было ясно, что она приезжая. Указанный ею домашний адрес оказался вымышленным. Какая тут может быть прописка?.. Но порядок есть порядок.

Позвонил. Подождал минуту.

И вдруг почти закричал:

– Когда прописана?! С 1967 года?.. Бросил трубку, не поблагодарив и не задав больше ни одного вопроса, ворвался к дежурному:

– Давай какие-нибудь колеса! Еду к Рязанцевой!

Уже в машине, словно не веря себе, еще раз просмотрел листок с торопливой записью: «Рязанцева Валентина Андреевна, 1939 года рождения. Родилась в Новосибирской области, Сузумский район. Незамужняя. Проживает на улице Шейнкмана, дом...»

Дверь квартиры открыла интеллигентная старушка. Спросил Рязанцеву. Нет дома.

– Не скажете, где она? – осведомился Климов.

– Наверное, на работе еще, – ответила соседка, с любопытством разглядывая Климова.

– Вы ее видели сегодня? – продолжал Климов, радуясь, что одет в штатское.

– Конечно. Я поднимаюсь рано. Она уходила при мне.

– И не возвращалась?

– Нет.

– На работе ее уже нет. Я заезжал, – счел нужным сообщить Климов.

– Возможно, зашла за Димой. – И, почувствовав неведение Климова, спросила: – А вы кто?

– Знакомый.

– Ее Димочка в круглосуточном садике, но она иногда забирает его в неурочный день. И к подруге могла зайти.

– Жаль, – огорчился Климов, отступая от двери. Он знал свою противную черту: краснеть от волнения. – Очень жаль...

На лестнице послышались шаги. Старушка подалась вперед и, как только увидела поднимающуюся женщину, радостно сообщила:

– А вот и Валюша.

– Спасибо, – бросил Климов не особенно вежливо и поспешил навстречу Рязанцевой.

Та, заметив, что к ней почти бегом направился незнакомый мужчина, невольно задержалась.

– Валентина Андреевна? – негромко спросил в упор.

– Да, – удивленно отозвалась она.

– Вернитесь со мной.

– Зачем?!

– Тихо. Я из милиции. Прошу. – Не ожидая ответа, крепко взял ее под руку. И только когда она повиновалась, растерянная, повернулся к старушке соседке, оставшейся вверху, и улыбнулся как можно естественнее.

– Куда вы меня ведете? И кто вы?! – возмутилась Рязанцева, решительно остановившись у подъезда.

– Не волнуйтесь, – предупредил ее Климов и вытащил удостоверение. – Как видите, я неопасный человек. Пусть соседка считает меня вашим знакомым. Проедемте со мной до райотдела, вы нам очень нужны.

– Ничего себе – успокоили...

Она встряхнула головой, откидывая назад распущенные до плеч волосы, и решительно направилась в сторону машины, стоявшей поодаль. Климов пошел следом. Он уже достаточно разглядел ее всю. И вдруг улыбнулся не без сарказма.

«Вот и верь приметам, – думал про себя. – Да, волосы, распущенные до плеч. И телосложение среднее... Но какая же она, к черту, блондинка?»

Усевшись в машину рядом с задержанной, Геннадий с облегчением отметил, что раздражение, которое угнетало его все эти часы, прошло.

На душе стало светлее.

Радужное настроение Климова несколько померкло уже дорогой и еще больше, когда они очутились с Рязанцевой в его кабинете.

Без приглашения присев на стул возле стола, Валентина Андреевна спокойно сказала:

– Слушаю вас.

– Слушать собираюсь я, – ответил Климов. – Расскажите о себе... Когда и откуда приехали в Свердловск? Где работаете, давно ли и кем?

– За этим вы и привезли меня?

– За этим, за этим, – подтвердил он и почувствовал, что сейчас начнет краснеть.

– Ну что ж...

Валентина Андреевна Рязанцева приехала в Свердловск семнадцатилетней девушкой. Здесь училась в техникуме советской торговли, здесь же позднее вышла замуж. Последние четыре года работала товароведом в одном из райпищеторгов. Семейная жизнь, к сожалению, не сложилась. В этом она винила мужа, который не только пил, но и был ей неверен. Впрочем, последнее – только ее подозрения. Главное – пьянство. Поэтому в 1967 году они расстались, разменяли квартиру, и с того времени она с маленьким сыном поселилась на улице Шейнкмана, а муж остался в старом районе на Уралмаше.

– Как видите, в моей жизни все обыкновенно и просто, как у многих женщин. Не знаю, чем могла заинтересовать вас.

– Есть у вас с собой какие-нибудь документы?

– Только удостоверение личности. – Она открыла сумку, поискала в ней. – Пожалуйста. Документ был в порядке, Климов тут же вернул его.

– Значит, теперь вы одна с сыном? – Он спрашивал, чтобы как-то затянуть время: понимал, что перед ним не та, которую он искал, и странное совпадение имени и фамилии не давало ему покоя.

– Да, одна с сыном.

– Наверное, есть подруги?

– Особенно похвастаться не могу. Но есть. Они что, тоже интересуют вас?

– Может быть.

– Назову. Мы дружим много лет. Одна – Нина Кашина, соседка по квартире, в которой мы жили еще вместе с мужем. Работает в автохозяйстве. Сейчас встречаемся реже: женщинам ведь некогда разъезжать. Другая работает вместе со мной – Римма Лыкова. С ней, разумеется, видимся каждый день...

– Вы должны знать, почему я спрашиваю обо всем этом, – прервал ее Климов. – Вашим именем кто-то очень серьезно злоупотребил. Поэтому я и заговорил о подругах.

– Нет, нет, они не могут, – торопливо заверила она.

– Я и не говорю об этих. Может быть, у вас есть знакомые, которые живут совсем не в нашей области?

– Нет, – сразу ответила она. Но, помолчав, спросила: – А как злоупотребили моим именем?

– Как вам сказать. Предположим, в преступных целях.

– И что? Преступник – женщина?

– Конечно, если воспользовались вашим именем, а не моим,

– Этого не может быть, – заключила она. И задумалась.

Климов не мешал ей. Заметив, как она тревожно взглянула на него, спросил:

– Вспомнили что-нибудь?

– Да так. Глупость, наверное, но все-таки...

– Не стесняйтесь. Разговор между нами.

– Я только что говорила о Римме Лыковой, которая работает со мной. Она в конце марта – начале апреля ездила отдыхать в Ялту. И там близко познакомилась с одной женщиной, которая, как она рассказывала, работает тоже товароведом, в Тюменской области. Ну, обсудили они, видимо, все: люди на отдыхе. Так вот, та женщина очень звала Римму переехать на работу к ним: не в саму Тюмень, а куда-то севернее, где теперь у них нефть и газ. Там хорошо платят. Римма сама ехать отказалась, но рассказала обо мне: все-таки мне одной с ребенком на руках трудно. Даже дала той женщине мой свердловский адрес.

– И что дальше?

– Мне никто ничего не написал.

– И вы не пытались наладить связь?

– А зачем мне? Я и Римме сказала тогда, что вовсе не хочу уезжать отсюда.

– Дела... – вздохнул Климов. Приободрившись, сказал: – Валентина Андреевна, я намерен серьезно заняться этой женщиной из Тюменской области. Прошу вас завтра сразу после работы зайти ко мне. Ваши показания надо оформить как положено. Так что захватите паспорт.

– Хорошо. Я могу уйти?

– Я вас потревожил, поэтому постараюсь доставить домой. Да!.. Пожалуйста, не волнуйте свою соседку-старушку.

Проводив Рязанцеву, Климов не мешкая поехал к Лыковой.

Он застал ее дома и, познакомившись, прямо повел разговор о ее ялтинском знакомстве.

– А я как-то быстро сошлась с ней еще в самолете, – моментально включилась Лыкова. – А когда разговорились, она сразу сказала мне, что им очень нужны кадры.

– И вы дали ей адрес Валентины Андреевны?

- Да.
- А где живет эта ваша тюменская знакомая, помните?
- Нет, точно не знаю. Даже название поселка из головы вылетело.
- Как выглядит, сколько ей лет?
- Она много моложе меня, но чуть постарше Вали. А выглядит как?.. Круглолицая, суетливая: как колобок катается. Черненькая, хорошенькая еще...
- Вам-то она хоть написала?
- Нет.
- А Валентине Андреевне?
- Тоже, наверное, нет. А то бы я знала.

Геннадий Климов и начальник отделения уголовного розыска Иван Иванович Усков сидели в райотделе до позднего вечера. Оперативные группы, в состав которых были включены сотрудники торгово-кулинарного училища, докладывали с автостанции, вокзала и аэропорта, что скрывшийся кассир там не появлялась.

Загадочная, безликая Рязанцева исчезла.

А телетайп в комнате связи райотдела методично отстукивал телеграмму:

«Всем, всем, всем! Разыскивается опасная преступница, называющая себя Рязанцевой Валентиной Андреевной. Приметы: рост 150 – 160 сантиметров, 33 – 36 лет, глаза миндалевидные, блондинка, волосы носит распущенными до плеч. На руке кольцо из желтого металла с камнем. Юбка черная, кофта трикотажная ярко-розового цвета. Обута в коричневые туфли на малом каблуке. При задержании немедленно сообщить в Ленинский районный отдел внутренних дел города Свердловска...»

- ...Ну и что мы запишем первым пунктом в план оперативно-розыскных мероприятий? – спросил Усков Климова.
- Фонарю ясно: установление личности преступницы.
- Каким образом?
- Спроси у господ бога.
- Так и писать?..
- Не надо, пожалуй. Давай-ка лучше закурим.

2

Вернувшись домой, Валентина Андреевна устало опустилась на диван. Мысли смешались, и она не могла сосредоточиться на чем-то одном. Она никогда не имела дел с милицией. Поэтому сегодняшний вызов, такой внезапный и необычный, когда ее буквально увели с лестничной площадки в подъезде собственного дома, представлялся ей не иначе как предвестником большой беды. Валентина Андреевна попыталась до мелочей восстановить весь разговор с Климовым и с ужасом поняла, что следователь, собственно, ничего ей не сказал и она бессильна даже предположить, что произошло за ее спиной.

В мыслях она то и дело обращалась к своим подругам, которые столько лет были рядом с ней в самые тяжелые минуты, и любое подозрение относительно их казалось ей кощунственным.

Измучив себя окончательно, Валентина Андреевна переделалась в домашнее, кое-как освежилась перед зеркалом и вышла на кухню. У нее не было никакого желания заговорить с соседкой – очень милой и обходительной женщиной, в одиночестве коротающей старость.

Но та не сдержалась сама:

– Валюша, я никогда не видела этого вашего знакомого.

– А какого вы видели? – попробовала улыбнуться Валентина Андреевна.

– Извините, я не так выразилась, – поправилась соседка. – Я просто не знала, что у вас есть знакомый.

– Как видите, появился... Может быть, еще придет, – почему-то предположила Валентина Андреевна и поторопилась в комнату.

«Какую глупость сморозила...» – подумала, оставшись одна. Ведь завтра нужно самой явиться в кабинет Климова для какого-то официального разговора. Тут же вспомнила о паспорте: не забыть бы утром в спешке.

Валентина Андреевна присела возле столика с трельяжем, в одном из ящичков которого хранила документы. Перебрав жiroвки и платежные квитанции за Димкин садик, нашла свидетельство о расторжении брака, профсоюзный билет, добралась до диплома об окончании техникума, отодвинула в сторонку сберегательную книжку, с которой, знала, давно сняты остатки скромных вкладов... Посоображала. Открыла нижнее отделение столика, вытасила большую коробку с лекарствами и рецептами, быстро перебрала их и снова принялась за ящичек с документами...

Через час-полтора, перевернув в комнате все вверх дном, опустошенная, легла в постель. Паспорта не нашла.

Валентина Андреевна лежала неподвижно, равнодушная ко всему. Она чувствовала, как усталость, сковавшая ее, тушит остатки мыслей, обволакивая их туманной пеленой. Потом ей стало тепло и уютно.

Когда она открыла глаза, уличный фонарь высвечивал ажурную вязь тюлевой шторы. Тишина за окном означала глубокую ночь. Сознание спокойно вернулось к событиям минувшего дня, в котором остались и волнения, и усталость.

Валентина Андреевна подумала о предстоящей встрече с Климовым и стала сосредоточенно восстанавливать в памяти все, что оставило след за четыре года, прожитых без мужа в этой квартире. Ничего радостного. Первый год привыкала к новому положению. Переживать разрыв с мужем было некогда, потому что часто болел Димка. Потом привыкла и вместе с привычкой пришло душевное облегчение, как и должно быть, когда из жизни уходят унижительные ссоры и оскорбления. С нежностью вспомнила подруг, неизменно участливых и верных в житейских затруднениях.

И, не пугаясь уже, а больше удивляясь, пыталась понять, кто мог сделать ей плохое.

Ко всему этому странная пропажа паспорта. Она брала его с собой только в тех случаях, когда это было необходимо. «Может быть, еще найдется?..»

Единственными гостями в ее квартире за эти годы были подруги. Никаких других близких знакомых она не заводила. Впрочем...

Ей вспомнилась середина нынешнего апреля, неприятный вызов в институт народного хозяйства. После развода она запустила занятия на заочном отделении, кое-как переползала с курса на курс, в конце концов пропустила последнюю экзаменационную сессию, и ее попросту отчислили.

Вот тогда, ожидая решения своей судьбы, она познакомилась в коридоре возле учебной части с молодой женщиной, которая приехала сдавать экзамены. Со Светланой – так звали женщину – они простояли за разговором часа полтора. За это время к ним никто не подошел: Валентина Андреевна уже давно бывала в институте от случая к случаю, а приезжая, видимо, тоже никого не интересовала.

День выдался погожий, и, получив справку об отчислении, Валентина Андреевна со своей новой знакомой пошли в центр пешком.

Уже на площади 1905 года Валентина Андреевна спохватилась:

– Что ж это я тебя так далеко за собой затащила?!

– А мне по пути, – ответила Светлана просто. – живу в «Олимпии», на стадионе.

– Я тоже тут, неподалеку – на улице Шейнкмана. Будет скучно, заходи: по вечерам я всегда дома, – предложила Валентина Андреевна, назвав свой адрес и про запас – рабочий телефон.

На следующий день Валентину Андреевну послали с проверкой в один из крупных магазинов, и она вернулась домой поздно. От соседки узнала, что к ней приходила женщина, назвавшая себя Светланой.

– Не хотела ждать? – осведомилась Валентина Андреевна.

– Сидела целый час. Потом сказала, что пойдет заниматься.

– Жаль.

Через день Светлана позвонила на работу, посожалела, что не застала дома, и пригласила к себе.

Валентина Андреевна в тот же день навестила ее в гостинице. Отыскав семнадцатый номер, застала Светлану в постели.

– Не заболела?

– После душа захотелось полежать, – ответила та.

В номере больше никого не было. На этот раз разговор завязался более откровенный. Светлана пожаловалась, что плохо живет с мужем.

– Пьет, наверное? – предположила Валентина Андреевна.

– В том-то и дело, – вздохнула та. – Живем в Кемерово, у него хорошая должность на заводе: инженер. К тому же мужчина заметный, избалован женским вниманием, а я – что?..

Светлана призналась, что недавно два месяца пролежала в больнице после преждевременных родов, а потом ее забрала к себе мать, живущая в Нижнем Тагиле.

– Прямо от нее и приехала сдавать экзамены в институт. Готовлюсь, а сама не знаю, что делать: возвращаться к мужу или нет. Детей у нас, наверное, так и не будет. Значит, и семьи – тоже. Но, понимаешь, там не уволилась и не выписалась... Денег поднакопила, вещи тоже почти все увезла. Часть – с собой, остальные – у мамы.

Валентине Андреевне вспомнилось, что была у Светланы еще дважды. Перед маем увидела у нее новую импортную кофточку, серенькую с красивой отделкой по воротнику. Еще сохранившаяся яркая этикетка прямо-таки заворожила, и Валентина Андреевна стала упрашивать Светлану уступить кофточку. Наконец та согласилась.

Валентина Андреевна сразу же забрала обновку, пообещав отдать деньги позднее. И тут же, не зная, чем отблагодарить, предложила провести праздник у нее дома.

– Будем вдвоем, да еще Димка мой.

– С удовольствием, – согласилась Светлана, – а то гостиница ужасно надоела.

Первого мая Светлана пришла в десять часов утра. Приготовили стол и просидели до четырех. Потом Светлана ушла и не вернулась.

Не дала о себе знать и в другие дни.

Девятого Валентина Андреевна пошла к ней в «Олимпию», чтобы отдать двадцать рублей долга за кофточку. Ей сообщили, что Светлана из гостиницы выехала.

– Куда? – испугалась Валентина Андреевна. – Я должна ей деньги!..

– Знаете что? Спросите у девушек из восемнадцатого номера, она последние дни жила там.

В восемнадцатом номере Валентине Андреевне сказали, что Светлана якобы перебралась в гостиницу «Юбилейная» и живет там где-то на шестом этаже.

Валентина Андреевна вспомнила, как целый день попусту проторчала в «Юбилейной». По одному имени разыскивать Светлану не стали, а фамилии своей новой знакомой она не знала. Попробовала обходить номера, но толку, конечно, не добилась.

Так Валентина Андреевна и осталась должницей.

Предположив, что Светлана выехала по какому-то срочному вызову, Валентина Андреевна расспрашивала своих сослуживцев, не разыскивал ли ее кто-нибудь по телефону.

Но ею никто не интересовался.

«Что это я все о ней?» – спохватилась про себя Валентина Андреевна.

Потом улыбнулась: злополучные двадцать рублей за кофточку Светлане, оказывается, лежат в коробке вместе с Димкиными лекарствами. «Вот куда засунула!..»

Климов не мог скрыть удивления, когда в десять утра она зашла к нему в кабинет.

– Валентина Андреевна? – встал он. – А Я через минуту уехал бы. Что так рано?

– Здравствуйте. Зашла на работу и отпросилась.

– Спешите с какой-нибудь новостью?

– Как вам сказать. Наверное, с плохой. Я потеряла паспорт.

– То есть как потеряли?

– Ну, не нашла...

– Вы садитесь, – предложил он и тоже сел: – Как не нашли?

– Вы понимаете, я с собой беру его очень редко. Только тогда, когда он нужен: перевод, например, или посылка... Вот и пришла сразу: может быть, для нашего разговора не обязательно паспорт. Я сегодня же заявлю о потере.

– Погодите. Куда же он девался? Мог его кто-нибудь взять?

– Кому он нужен? Да и не бывает у меня никто. Разве только...

И вдруг рассказала ему, как познакомилась в институте со Светланой, как ее потеряла, да еще в долгу осталась. И заметила, что Климов насторожился.

– Когда вы брали из дома паспорт последний раз? – спросил он.

– Давно. Месяца три.

Климов задумался. Потом спросил:

– А получали где?

– Восемь лет назад в Омской области.

– В Омской области?!

– После окончания техникума я уезжала туда на работу в район. Там бабушка у меня жила, – поспешила объяснить Валентина Андреевна. – Срок старого кончился, и там я получила этот. А потом приехала сюда и вышла замуж...

– У Светланы вы какие-нибудь документы видели?

- Нет. А что?
- Просто интересуюсь, А как она выглядит?
- Симпатичная женщина.
- Белокурая, голубоглазая, в общем, привлекательная...
- И волосы носит распущенными до плеч?
- Откуда узнаете? – почти с испугом спросила она,
- Могу еще больше удивить вас.
- Почти уверен, что ваш паспорт у Светланы.
- Зачем он ей?

– Мало ли... – уклонился он от ответа. – Вот что я предлагаю, Валентина Андреевна: вы отправляйтесь на работу. О наших разговорах не распространяйтесь, а когда будет нужно, я сам найду вас. Заявление о потере паспорта пока не делайте и о своей утрате молчите. Договорились?

– Я ничего не понимаю.

– Так нужно, Валентина Андреевна. Надеюсь, скоро объясню вам почему. А сейчас – всего хорошего! У меня срочные дела.

Он вместе с ней вышел из кабинета и, уже расставаясь, вдруг вспомнил:

– А коль скоро Светлана даст о себе знать, не забудьте об этом сразу же уведомить меня. Лады?

– Я же понимаю, что вы приказываете, – ответила она без воодушевления.

– Ей-богу, прошу! – улыбнулся он.

...После короткого совещания у начальника следственного отделения и начальника отделения уголовного розыска в гостиницу «Олимпия» поехала следователь – капитан милиции Валентина Петровна Булыгина.

Найти Светлану, точнее ее след, в «Олимпии» даже по одному только имени не составляло особого труда. В семнадцатом и восемнадцатом номерах, на которые указала Рязанцева, а апреле-мае жила всего одна женщина, носившая это имя, – Светлана Николаевна Обкатова. В бланке прописки значился ее постоянный адрес: г. Кемерово, Горловское шоссе... А когда сотрудники гостиницы обрисовали внешность Обкатовой, у следователя не осталось сомнений, что она на правильном пути.

В разное время вместе с Обкатовой жили шесть постоялиц: одну из них, по счастливому стечению обстоятельств заочницу юридического института Галину Ивановну Маркову, приехавшую из Челябинской области на сессию, Валентина Петровна застала дома. Юристы поняли друг друга сразу. Но Маркова могла сообщить немного:

– Она жила вместе с нами числа до десятого мая, а потом переселилась в «Юбилейную». Что я могу сказать определенного?.. Светлана говорила, что учится в институте народного хозяйства. Правда, меня удивляло то, что я не видела у нее ни учебников, ни конспектов. Даже заводила об этом однажды разговор. Но она, особа бойкая, очень общительная, довольно беззаботно ответила, что не хочет таскаться с учебниками, занимается в читалке, к тому же у нее есть хорошие связи и экзаменов она не боится.

– О своей жизни, о свердловских знакомых что-нибудь рассказывала?

– Немного. Знаю только, что она из Кемерово. У нее там муж, но живут плохо: он пьет и гуляет. Детей нет. Проговорилась, что недавно у нее был выкидыш. О служебных делах тоже не распространялась, упомянула только как-то, что работает плановиком на шахте.

– Как она себя вела?

– Довольно скромно. Правда, вечерами почти всегда уходила.

– Куда?

– Не интересовалась. Так ведь мы почти все уходили заниматься.

– В «Юбилейной» вы у нее были?

– Нет. Я вообще не имела с ней дел. Да!.. Вам нужно найти из наших Шуру Казарину из Хабаровска. По-моему, в те дни – здесь ремонт начинался – она перебралась в «Юбилейную». Потом вернулась. Они там не могли не встречаться...

После этого разговора Булыгина поспешила в «Юбилейную». Когда и в каком номере проживала там Александра Моисеевна Казарина, она узнала сразу. Но Светлана Обкатова, как оказалось, в «Юбилейной» не останавливалась: Булыгина просмотрела книгу регистрации за четыре последних месяца. Вместе с Казариной в номере жила некая Борисова из Кустаная.

След Обкатовой снова терялся.

Казарину удалось разыскать в институте. Оказалось, что она, как и Валентина Петровна, работает в следственном отделе районной милиции.

– Видела ли я Светлану Обкатову в «Юбилейной»?! – весело переспросила Казарина. – Каждый день! Мы с ней жили в одном номере.

– Позвольте, но вашей соседкой была Борисова.

– Плохо вы знаете порядочки в родном городе, – решительно, хоть и с усмешкой, остановила ее Казарина. – С местами в гостинице трудно. А у Борисовой, – кстати, она на одном курсе со мной, тоже наша заочница, – в Свердловске полно знакомых и родственников, ей гостиница самой не нужна. Но только благодаря ей мы попали в «Юбилейную». Сама Полина живет у родных, а номер в «Юбилейной» взяла на себя и меня. Поэтому Светлана была вынуждена жить здесь под ее фамилией. Разумеется – платить, и все прочее...

– Дошло, – поняла Булыгина. – Ловко устроилась. И она объяснила Казариной суть дела.

– Комедия: оказывается, я жила в одном номере с преступницей? – удивилась та, не смущаясь, однако. – Хорош следователь!

– Хорош, – согласилась Валентина Петровна в неосуждающем тоне.

– Как же вам помочь?.. Начнем по порядку. Я переселилась в «Юбилейную» двенадцатого мая. А на другой день ко мне перешла Обкатова. Номер на двоих. Нас поселили по двадцатое мая. Я помню, что Светлана взяла сюда только небольшой чемоданчик, а огромный черный оставила – по ее словам – в «Олимпии». Из «Юбилейной» она выехала раньше меня дня на два, то есть примерно восемнадцатого мая. Сказала, что нашла одно место.

– Какое?

– А вот этого не знаю.

– У нее были в городе знакомые?

– По-моему, случайные. Да и то – один, по-моему...

– Из чего вы заключили?

– Чисто по-женски, – объяснила Казарина. – В «Олимпии» она познакомилась с одним мужчиной, командированным, как мы потом узнали, из Кустаная. Жил он в гостинице не более недели, в отдельном номере. Так вот: Светлана его представляла как своего мужа. Очень интересный мужчина, лет тридцати пяти, на редкость аккуратный, одетый всегда, я бы сказала, изысканно. Но... скажите на милость, какая женщина решится недавнего знакомого выдавать за мужа? Даже, извините, если стала с ним близка?.. Мы, конечно, не показывали вида, но про себя улыбались.

– Откуда вы знаете, что он из Кустаная? От Обкатовой?

– Нет, не от нее, – уверенно продолжала Казарина. – Я вам уже объясняла, что устроила нас в «Юбилейную» Полина Борисова. И вот однажды этот мужчина, звали его Аркадий, зашел за Светланой в то время, когда Борисова сидела у нас. Он появился только на минутку, а когда ушел, Полина сразу спросила:

– Кто это, девушки?

– Светланин муж, – отрекомендовали мы с усмешкой.

– Светланин? – удивилась Полина.

– Понравился, что ли? – спросили мы, все еще пересмеиваясь.

– А ведь я его встречала в Кустанае, – сказала она и как-то сразу настроила нас на серьезный лад.

Затем рассказала, что лет десять назад сталкивалась с ним в одном совхозе в Кустанайской области. Потом он перебрался в Кустанай, но куда – не знает. Много позже, когда Полина с мужем тоже переехали в Кустанай, она слышала, что Аркадий этот женат.

– Сейчас он в Свердловске?

– Нет, уехал дня за два до того, как сама Светлана ушла из «Юбилейной».

– Фамилии его не знаете?

– Нет. Об этом нужно спросить Полину. Она наверняка знает, – посоветовала Казарина.

– Ну а что можете рассказать о ее жизни?

– Пожалуй, немного. Жила довольно скромно. Особенно не тратилась, хотя деньги у нее были. Я, например, видела даже сотенные бумажки.

– А могли бы назвать какие-то ее особые приметы?

– Понимаю вас. Но я пригляделась к ней, мне трудно назвать что-то определенное. Быстрая какая-то, ходит маленькими шажками; говорит тоже быстро; по-видимому, и с людьми сходится так же. Еще заметила, что любит выпить. И в такие моменты не прочь заимствовать слова из мужского лексикона.

– И на этом спасибо, – поблагодарила Валентина Петровна. Спросила: – А как найти Борисову?

– Это сложнее. Здесь ее поймать можно только на экзаменах или консультациях. Адреса родственников, у которых она живет, я не знаю. Но она заходит к нам в «Олимпию» почти каждый день.

– Значит, по адресному ее искать бесполезно.

– Мы следователи, И давайте договоримся, – предложила Казарина. – Я с нашими девочками сегодня попытаюсь разыскать Полину и доставить к вам. Иного-то выхода нет, Дайте адрес вашего райотдела и ждите нас к вечеру. До десяти – гарантирую.

Вдруг Казарина улыбнулась по-озорному.

– Чего это вы? – не сдержалась Булыгина.

– Вспомнила особую примету, – заговорщически сообщила Казарина и почти на ухо сказала: – Лифчик – седьмой номер. Барышня – будь здоров!..

И рассмеялась.

Открытая и властная, энергичная и немного озорная, Казарина невольно располагала к доверию. И Валентина Петровна возвращалась в райотдел удовлетворенная.

К удивлению Валентины Петровны, Казарина с Борисовой заявили к ней еще до семи вечера. В отличие от подруги Полина казалась какой-то домашней, мягкой, тихоголосой. Валентина Петровна даже отметила про себя, что она волнуется. Тем не менее, стеснительно улыбнувшись, Борисова заговорила первой:

– Вот меня и доставили. Я почти все знаю. Спрашивайте.

– Она у нас такая: идеально организованная. Это потому, что у нее уже двое детей, хотя она на четыре года моложе меня...

– Шура! – вспыхнула Борисова.

– Вы не торопитесь? – спросила Валентина Петровна.

– Нет, нет, – ответила Полина.

– Я вижу, Александра Моисеевна постаралась. Понимаете, – Валентина Петровна взглянула в свои записи, – Полина Яковлевна, мне необходимо знать фамилию этого Аркадия, знакомого Светланы.

– Старшинов Аркадий. Отчество не знаю. Живет в Кустанае. Работает где-то в сельхозуправлении или... в общем, в сельскохозяйственном ведомстве.

– А должность?

– Понятия не имею. – И сразу предупредила: – Но не специалист.

– То есть?

– Ну, не агроном, не механик, не зоотехник. Я когда-то с ним в одном совхозе жила. То есть... В общем, я заканчивала десятилетку. Мои папа и мама все еще там. Тогда Старшинов этот был у нас... Не поймешь, кем он был. Плакаты развешивал, «боевыми листками» командовал, мероприятия разные организовывал. В общем – не специалист.

– Кем же он может работать в Кустанае?

– Наверное, тем же, только в масштабе области. Но теперь он важный, говорят, даже секретарша у него есть. – И она впервые рассмеялась.

– Бог с ним! Фамилию знаем, установим по адресному... Вспомним Обкатову.

– Светлану?.. Вероятно, я должна рассказать, почему она жила в «Юбилейной» под моей фамилией? – стала серьезней Борисова.

– Это – не обязательно. Мне уже понятно. А вот ее жизнь здесь...

– Просто не знаю, что сказать... – потеряла ладонью лоб Полина. – Светлана – непонятная женщина, по крайней мере для меня. К Шуре я заходила и в «Юбилейную». Светлану, конечно, видела. Но однажды встретила Старшинова, вернее, он заметил меня. Разговорились. От него узнала, что он познакомился со Светланой в «Олимпии», где ему пришлось прожить три или четыре дня, пока не заполучил отдельный номер в «Юбилейной». Расспрашивать об их отношениях со Светланой мне было неудобно, но он сам не сдержался.

«Выдающаяся женщина!» – так и сказал.

– Я-то, сами понимаете, уже знала, – продолжала Полина, – что Светлана выдает его за своего мужа. И мне тогда стало неловко продолжать этот разговор: он же мог догадываться, что я слышала о его семейных делах.

– Ну а Светлана?

– Что Светлана?

– С нею были разговоры о Старшинове?

– Нет. Я говорю, что она непонятная какая-то. Чувствовалось, что она человек не злой, даже добрый. И в то же время никогда не была откровенной, всегда у нее какие-то тайны, пустяковые – но тайны. И вместе с тем беспечная очень...

– Из чего вы заключили?

– Да из всего... Как-то я зашла к ним с Шурой в номер. Смотрю, не прибрано. Я стала убирать. На окне увидела конверт, хотела его выбросить, а из него посыпались деньги. Как сейчас помню: семь сотенных! А червонцев сколько – так и не узнала. Я бросилась собирать их, не сдержалась, говорю:

– Светка, разве так можно?

А она:

– Понимаешь, вчера набралась.

– Ради чего? – спрашиваю.

– Настроение такое...

И все. Только потом объяснила:

– Мама на шубу прислала.

– Вот такая дурная, – заключила Полина.

– А в нашем городе у нее знакомые были?

– Не помню. Нет – вру. Она упоминала о какой-то знакомой по имени Валентина. Я никогда ее не видела, а потом Светлана говорила, что поссорилась с ней. Последнее, что припоминаю, это звонок Светланы на квартиру моих родственников, у которых живу. Звонила из аэропорта. Сказала, что проводила Аркадия. И еще – что уходит из гостиницы.

– Куда?

– В одно место, как она выразилась.

– Пожалуйста: тот же адрес, который назвала и мне, – вставила Казарина, молча слушавшая разговор,

– Ну что ж, спасибо, – сложила бумажки Булыгина. – Придется искать этого Аркадия и знакомиться с ним. Раз он ее знает близко, может, хоть он нам какую-то броскую приметку этой Светланы назовет.

– А зачем приметки? – удивилась Борисова. – Он вам, наверное, фотографии подарит,

– Она дарила ему?

– Да нет! Как-то в той же «Юбилейной» я столкнулась с ними в вестибюле. Смотрю, у Аркадия через плечо «Киев». Оказывается, собрались фотографироваться. Потасили меня. В сквере у гостиницы «Большой Урал» он нас и запечатлел. Так что можете смело меня в подельщики...

Валентину Петровну захлестнула такая радость, что она сама расхохоталась. И, конечно, не шутке Полины. Потом сказала:

– Приметки фотографии не помешают. Но на фотографии их не всегда разглядишь.

– Конечно, – согласились юристы. Расстались как друзья.

– Я думаю, девушки, вас учить не стоит: наш разговор?..

– Могила! – хором и совсем несерьезно отозвались «девушки».

Валентина Петровна, провожая их, даже вышла на крыльцо райотдела.

– Сколько еще сдавать?

– По одному осталось. Если не завалим, позовем на банкет.

– Согласна!..

Поздно вечером начальник следственного отделения Михаил Иванович Кауров и начальник отделения уголовного розыска Иван Иванович Усков собрали оперативное совещание. Тот и другой не потребовали никаких докладов, не собирались давать заранее подготовленных заданий и рекомендаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.